DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

А. С. Ахременко, Е. В. Бродовская

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ГРАЖДАНСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: «ЛИНИИ НАПРЯЖЕНИЯ» ДИСКУССИОННОГО ПОЛЯ

Правильная ссылка на статью:
Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 4—27. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111.
For citation:
Akhremenko A. S., Brodovskaya E. V. (2021) Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: «Tension Lines» of the Discussion Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 4–27. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111. (In Russ.)

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ГРАЖДАНСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: «ЛИНИИ НАПРЯЖЕНИЯ» ДИСКУССИОННОГО ПОЛЯ

IMPACT OF NEW INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON CIVIC AND POLITICAL ACTIVISM: «TENSION LINES» OF THE DISCUSSION FIELD

АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич — доктор политических наук, профессор Департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aakhremenko@hse.ru
https://orcid.org/0000-0001-8002-7307

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0001-5549-8107

Andrei S. AKHREMENKO[1] *— Dr. Sci. (Polit.), Professor, School of Politics and Government at the Faculty of Social Sciences*
E-MAIL: aakhremenko@hse.ru
https://orcid.org/0000-0001-8002-7307

Elena V. BRODOVSKAYA[2] *— Dr. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science; Director of the Centre for Political Studies*
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0001-5549-8107

[1] HSE University, Moscow, Russia
[2] Financial University under the Government of Russian Federation, Mozscow, Russia

Аннотация. В статье представлены «линии напряжения» в научных дискуссиях, посвященных влиянию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на трансформацию гражданского и политического активизма, в том числе в их проекции на материалы тематического номера журнала. Скорость развития интернета и мобильных технологий настолько высока, а общественно-политические эффекты этого процесса столь многообразны, что это порождает противоречия в оценках современных исследователей. В статье раскрываются такие дискуссионные линии, как эффекты сильных и слабых связей в цифровых коммуникациях интернет-пользователей, вопросы конвергенции формальных структур реальной среды

Abstract. The article analyses the major «tension lines» in academic discussions — together with their reflection in the articles of the issue — on the impact of information and communication technologies (ICTs) on the transformation of civic and political participation. The speed of development of the Internet and mobile technologies is so high, and their socio-political effects are so diverse that it leads to contradictions in existing research findings. In this paper, we discuss topics such as the effects of strong and weak ties in the digital communication of Internet users; the convergence of organizational structures in the «physical» world and informal structures of the virtual space, the contradictions

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

и неформальных структур виртуального пространства, противопоставления традиционного и цифрового гражданского активизма и др.

Эти линии дискуссий порождают сопутствующие вопросы научной повестки. Привносят ли ИКТ новое качество в структуры мотивации гражданского и политического активизма? Стимулируют ли они последние за счет снижения издержек коммуникации или переводят их в русло наименее «затратных» и рискованных форм, порождая массовый слактивизм? Способствуют ли ИКТ расширению гражданского диалога за счет вовлечения более широкого спектра индивидов (а следовательно, и мнений) или ведут к фрагментации, появлению «замкнутых циркуляций» мнений внутри эхо-камер?

Анализ ответов на поставленные вопросы позволил сделать несколько заключений. Перспективным трендом в научной дискуссии вокруг влияния ИКТ на трансформацию гражданского/политического активизма станет переход от уровня анализа «или/или» к уровню «и/и», то есть эволюция от противопоставления эффектов к пониманию их многообразия и связанных с ними контекстов. Более востребованными будут эмпирические стратегии, работающие как с реальной, так и с цифровой средами, в последнем случае — с использованием больших данных. Эффективное построение таких стратегий может быть в значительной мере обеспечено методами математического и численного моделирования.

Ключевые слова: ИКТ, цифровые коммуникации, новые медиа, социальные сети, сильные и слабые связи,

between traditional and digital civic activism, etc.

These lines of discussion correspond with the key issues in the academic agenda. Do ICTs bring a new quality to the motivational structures of civic and political participation? Do ICTs stimulate real participation by reducing the costs of communication, or transform it into the least risky forms, giving rise to mass «slactivism»? Do ICTs contribute to the civic dialogue by involving a wider range of individuals (and, therefore, opinions), or lead to fragmentation, to the emergence of «isolated circulation» of opinions within echo chambers?

An overview of the existing answers to these questions provided in the academic literature has allowed the authors to draw several conclusions. A promising trend in the scientific discussion around the impact of ICTs on the transformation of civic / political participation is the transition from «either … or» to «both … and» way of consideration, from contrasting ICTs' effects to understanding their diversity in multiple contexts. Empirical strategies that involve both real and digital environments (with extensive use of big data in the latter case) will be more in demand. The effectiveness of such strategies can be largely improved by the methods of mathematical and computational modeling.

Keywords: ICT, digital communications, new media, social networks, social media, strong and weak ties, civic partici-

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

гражданское участие, политическое участие, традиционный и цифровой гражданский активизм, политический протест, политическая мобилизация, политические партии

pation, political participation, traditional and digital civic activism, political protestpolitical mobilization, political parties

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00274), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Выражаем глубокую благодарность Валерию Федорову и команде ВЦИОМ за развитие высоких стандартов социологических, политических и междисциплинарных исследований, в том числе благодаря журналу «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные изменения». Сердечно благодарим Анну Кулешову, Светлану Бирюкову, Анну Кокареву, Ирину Упадышеву и Ольга Якимову за партнерство и совместную работу над тематическим номером.

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00274), National Research University Higher School of Economics.

The authors express their deep gratitude to Valery Fedorov and the VTsIOM team for developing and maintaining a high level of standards in sociological, political, and interdisciplinary research, particularly, in the journal «Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes». We would like to thank Anna Kuleshova, Svetlana Biryukova, Anna Kokareva, Olga Iakimova, Iliya Lomakin and Irina Upadysheva for their partnership and joint work on the special issue.

Введение

Рассуждение о главных направлениях дискуссий о влиянии новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на гражданский и политический активизм мы начнем с того, что предметом дискуссии уже не является. Более чем два десятка лет интенсивных — и занимающих со временем все более господствующие высоты в социальных науках — исследований показали, что это влияние существует и что оно значительно. Этот в какой-то мере тривиальный, но от этого не менее фундаментальный факт основан на большом объеме накопленных эмпирических результатов [Larson, 2021; Castells, 2015; Brünker et al., 2020, и многие другие].

Однако единодушие становится не столь полным уже на уровне общей оценки глубины воздействия ИКТ на социально-политические процессы. Оно носит только «количественный» или также «качественный» характер? «Количественный» аспект лежит на поверхности и связан с многократно возросшей скоростью распространения информации и числом людей, которых индивид (не будучи политическим лидером или крупным журналистом) может охватить своими сообщениями. Так, среднее число дружеских связей в Facebook составляет около 340[1], что в несколь-

[1] Данные Facebook research. См.: Three and a Half Degrees of Separation. URL: https://research.fb.com/three-and-a-half-degrees-of-separation/ (accessed 27.07.2021).

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

ко раз превышает аналогичный показатель для традиционных сетей общения. Аудитории многих новых медиа, включая индивидуальных блогеров, оказываются сопоставимыми, а то и превосходящими аудитории традиционных СМИ.

Но привносят ли ИКТ (в том числе, возможно, и за счет накопления «количественных» изменений) новое качество в структуры мотивации гражданского и политического участия? Например, в ситуации массовых акций протеста не вызывает сомнения появление новых способов решения проблем координации — благодаря возможности практически мгновенно и по нескольким каналам распространять информацию о маршрутах движения и местах сбора протестующих, действиях полиции и т. д. [Clarke, Kocak, 2020; Walgrave, 2011]. Но справедливо ли утверждать, что коммуникации в интернете способны порождать иные механизмы принятия решений об участии в протесте, формирование новых групповых идентичностей? Обладая несомненной эффективностью с точки зрения передачи *информации*, являются ли порожденные интернетом сети также и мощными каналами социального *влияния*?

Большинство исследователей склонны (пусть и неявно) рассматривать интернет в качестве некой «новой реальности», возникшей на месте традиционных структур коммуникации. Однако в действительности эти традиционные структуры никуда не делись; родственные и дружеские связи, контакты с коллегами сохраняют свое значение и действуют по прежним принципам, пусть и получая «цифровое выражение» (теперь кроме адресов и номеров телефонов своих знакомых мы видим их в лентах друзей и списках подписчиков в социальных медиа). И традиционные связи, пользуясь классическом терминологией М. Грановеттера [Granovetter, 1973], являются по преимуществу «сильными» (strong ties): они обычно взаимны, предполагают регулярное взаимодействие, имеют тенденцию к кластеризации (когда знакомые одного человека лично знают других его знакомых). Все это делает традиционные сети очевидным инструментом социального влияния. Распространение же интернета, можно определить (пусть и очень упрощенно) как дополнение этой структуры многочисленными «слабыми» связями (weak ties), которые могут быть однонаправленными, эпизодическими и изолированными. Такие связи способны очень хорошо распространять информацию, но насколько они эффективны как каналы влияния на поведение? Убедительного ответа на этот вопрос пока нет.

Кроме различий в соотношениях сильных и слабых связей традиционные и цифровые сети обладают признаваемым многими исследователями различиями в их топологической организации. В терминах сетевого анализа, традиционная сеть общения описывается так называемой топологией (или архитектурой) «малый мир», или «мир тесен» (Small World), математически описанной Д. Уоттсом и С. Строгатцем [Watts, Strogatz, 1998] и восходящей к знаменитым ранним экспериментам С. Милграма [Milgram, 1967]. Она представляет собой комбинацию регулярного графа, «отвечающего» в основном за связи в рамках постоянного локального окружения, и случайного графа — отдельных ребер, связывающих индивида с отдаленными знакомыми. Сеть интернет-коммуникации в большей степени соответствует топологии так называемого предпочтительного присоединения (preferential attachment; [Barabási, Albert, 1999]), в которой реализован принцип

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

«богатые богатеют»: чем больше связей имеет узел, тем выше вероятность, что к нему присоединятся дополнительные узлы и т. д. Это приводит к формированию сетей, очень неоднородных по числу связей, когда сравнительно небольшое число вершин (например, все те же популярные блогеры) обладают на несколько порядков более высокой центральностью по сравнению с обычными пользователями[2]. Свойства сетей «мир тесен» и «предпочтительное присоединение» мы неплохо понимаем по отдельности; но реальная структурная картина коммуникации представляет собой их некоторый «сплав». Как он в точности устроен и какие следствия его особенности имеют для мотивации, принятия решений, коллективного действия, мы пока представляем себе не вполне ясно.

Еще одно важное отличие «цифровых» сетей от традиционных состоит в том, что первые по сравнению со вторыми обладают гораздо большей динамичностью и подвижностью. Социальные медиа и иные платформы интернет-коммуникации обеспечивают беспрецедентные в истории индивидуальные возможности управления своими социальными контактами (вновь за исключением близкого традиционного круга общения) и источниками — а, следовательно, и содержанием — получаемой информации. Это ключевое отличие с точки зрения понимания таких феноменов, как сетевая гомофилия, эхо-камеры, «фильтрационные пузыри» и др.

Разумеется, влияние информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм не сводится к особенностям тех сетей взаимодействия и общения, которые они формируют. Однако именно этот аспект представляется нам исключительно важным, возможно — центральным. В этой статье мы покажем, что многие ключевые линии дискуссий в современной литературе — при всем их многообразии — так или иначе имеют сетевое измерение. Стимулируют ли ИКТ реальное гражданское и политическое участие за счет снижения издержек коммуникации или переводят их в русло наименее «затратных» и рискованных форм, порождая массовый слактивизм? Способствуют ли они расширению гражданского диалога за счет вовлечения более широкого спектра индивидов (а, следовательно, и мнений), или ведут к фрагментации, появлению «замкнутых циркуляций» мнений внутри эхо-камер? Содействуют умеренности позиций и выработке общих ценностей, или приводят к поляризации, в том числе аффективной (вплоть до дегуманизации оппонента, находящих проявление в языке ненависти)? И кто является основным бенефициаром распространения ИКТ — гражданское общество или государство? Не столько дать ответы на эти вопросы, сколько понять, почему ни по одному из них нет консолидированной позиции научного сообщества, помогает обращение к «первым принципам» — фундаментальным особенностям и проблемам сетевой организации социальных и политических коммуникаций в современных условиях.

Дискуссии о цифровом политическом участии

Гражданский диалог vs поляризация и радикализация

Одна из ключевых «линий напряжения» в современных дискуссиях о влиянии новых информационных технологий на гражданскую и политическую активность

[2] Подробно об основных сетевых топологиях, используемых в исследованиях коммуникаций, см. [Ахременко, Петров, Жеглов, 2021].

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

связана с интернетом как площадкой для обсуждения значимых вопросов гражданской и политической повестки. Речь идет как о воздействии глобальной сети на индивидуальные позиции и ценности, так и — что даже более важно — на некую крупномасштабную политическую и социальную структуру. Способствуют ли сетевые дискуссии конвергенции взглядов, сближению противоположных позиций или, по крайней мере, их более терпимому восприятию, выработке коллективных идентичностей в масштабах всего общества или крупных его сегментов? Или господствует центробежная сила, ведущая к поляризации и, в крайней форме, к радикализации? Или же доминирующим процессом является фрагментация, когда сближение взглядов носит локальный характер: носители определенных позиций «концентрируются» в довольно однородные, но слабо сообщающиеся между собой кластеры?

Понимание интернета с позиции «первых принципов» — фундаментальных особенностей его устройства как сети взаимодействия — на наш взгляд, поддерживает первую точку зрения. Мы уже отмечали выше, появление глобальной сети можно рассматривать как добавление в традиционную структуру коммуникаций многочисленных слабых связей. Последние же, в соответствии с классической идеей М. Грановеттера [Granovetter, 1973], имеют тенденцию увеличивать связность сети (connectivity-generating), соединять между собой удаленные в социальном пространстве кластеры, внутри которых доминируют сильные связи. Будучи «мостами» между внутренне однородными и взаимно отличными группами, они способны обеспечивать доступ к альтернативным взглядам, служить источником инноваций. Многочисленность таких связей, по идее, должна порождать циркуляцию представлений и взаимный обмен мнениями в масштабах всего общества. Такое представление (хотя и не всегда явно) лежит в основе взгляда на интернет как на среду, благоприятную для конструктивного гражданского диалога (см., например, [Papacharissi, 2002; Diamond, Plattner, 2012]).

Вместе с тем выше мы называли и другую особенность интернета и социальных медиа как среды общения — широкие возможности пользователя по «настройке» той самой сети слабых связей. И здесь в действие вступает принцип гомофилии [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001] — склонности людей поддерживать общение с индивидами, схожими с ними по (в нашем случае) политическим взглядам, ценностным установкам, гражданским позициям или поведенческим нормам. Такая склонность очевидным образом ведет и к разрыву связей с «непохожими» [Settle, 2018].

Аналогичный принцип может действовать не только по отношению к людям, но и по отношению к информационным ресурсам (в самом широком спектре — от сайтов медиа до анонимных каналов). Эффект фильтрации — предпочтительного потребления «близкого по духу» контента с сопутствующим отсечением информации, диссонирующей с представлениями индивида, получил название селективного восприятия (selective exposure) [Bode 2016; Johnson et al., 2020]. Гомофилия и селективное восприятие вполне «органично» дополняют друг друга: их совместное действие состоит в том, что индивид делится наиболее подходящим ему контентом с наиболее похожими на него людьми. Это приводит к возникновению «фильтрационных пузырей» (filter bubbles) и эхо-камер (echo chambers) — вну-

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

тренне однородных сообществ, слабо связанных с внешним миром (как в плане альтернативных источников информации, так и в плане представителей иных ориентаций и мнений). При этом есть свидетельства того, что эхо-камеры и фильтрационные пузыри имеют тенденцию дрейфовать в направлении противоположных политических флангов [Bodrunova et al., 2019; Bruns, 2019]; в этом случае мы имеем сочетание фрагментации с поляризацией.

Эмпирические результаты в этой области довольно противоречивы. С одной стороны, есть значительный массив литературы, фиксирующей проявления гомофилии в социальных медиа (см., например, [Zhang, Lee, 2018; Dincelli, Hong, DePaula, 2016; Boutyline, Willer, 2017]). С другой стороны, внимание исследователей акцентируется и на наличии множественных «кросс-идеологических» связей между большим числом пользователей [Garcia et al., 2015; Gruzd, Roy, 2014], что противоречит гипотезе «сетевой поляризации». Таким образом, напрашивается предположение, что роль социальных медиа в политической поляризации может быть разной в различных социально-политических контекстах. Однако на сегодняшний день неясно, как именно работают такие опосредующие факторы и, вообще говоря, каковы они (внятно высказана лишь гипотеза о влиянии неравенства — см. [Iversen, Soskice, 2015]).

В этой теме есть еще один «высокотехнологичный» аспект, связанный с влиянием рекомендательных алгоритмов социальных медиа. В духе «экономики внимания» (attention economy, см. [Davenport, Beck, 2001; Falkinger, 2007]) социальные медиа стремятся к тому, чтобы пользователи проводили на их платформах максимально возможное время. В этой логике рекомендации алгоритмов естественным образом основываются на предшествующих пользовательских запросах и уже просмотренном контенте. Если последние отражают гражданские и политические ориентации индивида (а это, как правило, именно так), алгоритмы формируют дополнительную петлю положительной обратной связи в процессе «закупоривания фильтрационного пузыря». Эта проблема, часто именуемая проблемой «алгоритмического смещения» (algorithmic bias, см. [Sirbu et al., 2019]), остается одной из наименее исследованных[3].

Социальные медиа vs традиционные сети и формальные организации

Следующая «линия напряжения» в дискуссиях вокруг роли социальных медиа и иных интернет-платформ касается их (само)организационного потенциала. Лагерь «интернет-оптимистов» представлен сторонниками той точки зрения, что горизонтальные коммуникации в социальных сетях способны успешно конкурировать с вертикально организованными бюрократическими структурами, делая их способными эффективно решать сложные проблемы коллективного действия, вплоть до протестной мобилизации. Противоположная точка зрения состоит в том, что социальные медиа успешны там, где уже существуют сети социального капитала, созданные традиционными сетями и формальными организациями.

В качестве примера первого подхода можно назвать широко известную теорию «связующего действия» Л. Беннета и А. Сегерберг [Bennett, Segerberg, 2012].

[3] В том числе потому, что рекомендательные системы являются ноу-хау социальных медиа и не публикуются

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

В соответствии с ней, цифровые платформы выступают центральными площадками формирования коллективных целей и идентичностей, а их участники активно используют идеи и темы акций для индивидуализации своего собственного образа. Одной из главных составляющих организационного потенциала горизонтально-распределенных сетевых сообществ является наличие «технологий сшивки» («stitching technologies»), обеспечивающих свободную циркуляцию контента между различными цифровыми платформами. Во многих западных странах эту роль играет Twitter, выступающий своего рода «сетью сетей» («network of networks»). Эти особенности и позволяют горизонтально распределенным, «рыхлым» конгломератам индивидуальных микросетей успешно осуществлять мобилизацию материальных и символических ресурсов в широком спектре от сбора средств до производства привлекательного контента (видеороликов, слоганов и т. п.), реагировать на вызовы внешней среды, оценивать возникающие возможности и угрозы, выстраивать адекватную ответную стратегию [Bennett, Segerberg, Walker, 2014: 232].

Оппоненты этой позиции делают акцент на нескольких важных моментах. Во-первых, сторонники «цветущей сетевой самоорганизации» склонны игнорировать вопрос о роли традиционных сетей коммуникации и моделей лидерства в процессах мобилизации. Как мы отмечали выше, традиционные сети личного общения с появлением интернета никуда не делись. Они основаны на сильных связях и, соответственно, хорошо аккумулируют такую форму социального капитала, как межличностное доверие; в отличие от глобальной сети, их намного сложнее отключить. Так, Н. Хассанпур, на материале революции 2011 г. в Египте, показывает, что в рамках определенных социальных структур отключение интернета приводит к усилению протестной мобилизации [Hassanpour, 2014].

Во-вторых, ставится под сомнение способность слабых связей, характерных для коммуникации в интернете, эффективно формировать коллективные идентичности и ценности, а также вырабатывать необходимые навыки взаимодействия в группе, коллективного принятия решений, лидерства — всего того, что можно обобщить понятием политической или гражданской культуры участия [Breuer, Groshek, 2014]. А именно с этими задачами хорошо справляются традиционные формальные организации [Howard, Gilbert, 2008]. Кроме того, взаимодействие в рамках организационной структуры порождает и соответствующую сеть личного общения с сопутствующим социальным капиталом.

Эти идеи ярко иллюстрирует эмпирическое исследование (и одновременно хорошая обзорная работа) Э. Андерсон «„Сетевые“ революции? ИКТ и протестная мобилизация в недемократических режимах» [Anderson, 2020]. Опираясь на данные шестой волны Всемирного исследования ценностей (World Value Survey), она показала, что деятельность индивида в рамках формальных организаций — более сильный предиктор участия в протесте по сравнению с активностью в интернете. Важным результатом является и значимость совместного эффекта онлайн- и офлайн-активности: влияние вовлеченности в интернет-коммуникации сильнее для тех, кто лучше интегрирован в деятельность традиционных организаций. Интернет помогает тем, кто сам себе помогает…

Последний вывод указывает на то, что позиции сторонников сетевой самоорганизации и опоры на традиционные структуры не являются несовместимыми;

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

имеет место синергетический эффект этих видов участия. Но, на сегодняшний день он изучен в крайне недостаточной мере (среди немногих примеров см. [Kahne, Bowyer, 2018; Beissinger, 2017]). В целом в литературе господствует традиция рассмотрения этих явлений по отдельности.

Также обратим внимание на то, что названная работа Э. Андерсон посвящена недемократическим режимам, особенностью которых, применительно к данному сюжету, является гораздо более высокий уровень рисков политического и, в ряде случаев, гражданского участия. Возможно, высокорисковый активизм — это особая форма участия, требующая специальных условий, в том числе (и прежде всего) с точки зрения организации сетевой среды? Этот сюжет мы специально рассмотрим ниже в разделе, посвященном проблеме слактивизма.

Активизм vs слактивизм

В сентябре 2010 г. журнал «The New Yorker» опубликовал колонку Майкла Гладуэлла «Small Change: Why the Revolution Will Not be Tweeted» («Скромное изменение: почему революция не передастся через Twitter») [Gladwell, 2010]. В последующие годы она стала, вероятно, самой цитируемой публицистической работой в исследованиях, посвященных проблемам гражданского и политического активизма в социальных медиа. Характерно, что через несколько месяцев в престижном научном журнале был опубликован «ответ» на эту колонку — статья Г. Лотана и коллег «The Revolutions Were Tweeted: Information Flows During the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions» («Революции передались через Твиттер: информационные потоки во время революций 2011 г. в Тунисе и Египте») [Lotan et al., 2011]. Эта заочная полемика стала своего рода зачатком одной из крупнейших дискуссий в научной литературе по цифровому активизму последнего десятилетия. В ее фокусе оказалась проблема слактивизма (slacktivism; от slacker — бездельник): может ли взаимодействие в рамках онлайн-платформ и сообществ создавать достаточные стимулы для индивидуального участия, связанного со значительными издержками и рисками? Или же интернет-коммуникации содействуют лишь таким формам, которые требуют минимальной вовлеченности и самых скромных усилий (собственно слактивизм) [Cabrera, Matias, Montoya, 2017]?

В предельной форме эту проблему можно сформулировать в терминах процесса замещения и вытеснения реального, «физического» участия участием цифровым [Morozov, 2012]. Современные информационно-коммуникационные технологии колоссально расширяют репертуар возможных действий по выражению солидарности с некоторой идеей, призывом или повесткой: от подписания электронной петиции до комментария, репоста или просто лайка. Какой смысл брать на себя риски (в ситуации, к примеру, участия в протестной акции) или существенные затраты времени и сил (в случае, например, волонтерской деятельности), если можно продемонстрировать свою позицию и обрести ощущение сопричастности простым нажатием кнопки? [4]

Эта проблема имеет очевидные пересечения с предыдущей темой противопоставления — реального или мнимого — цифровых и традиционных форм (само)

[4] Одним из синонимов слактивизма является «кликтивизм» (clicktivism).

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

организации. Ранее речь шла о социальном капитале и навыках коллективного действия, теперь же акцент переносится на индивидуальную мотивацию. Необходимо подчеркнуть, что эти проблемы родственны и на более глубоком уровне — на уровне характера и структуры сетевых взаимодействий.

В современных теориях мобилизации, принимающих во внимание ее социально-психологические аспекты [Van Stekelenburg, Klandermans, 2017; Stürmer, Simon, 2004], одним из ключевых мотивов к участию считается нормативный, или социальный, мотив. Он состоит в том, что индивид склонен вести себя в соответствии с локальной нормой поведения, вырабатываемой его социальным окружением. Социальное окружение в нашем контексте представляется системой связей — сильных и слабых. И если сильные связи, отражающие непосредственное и близкое социальное окружение, способны формировать необходимую силу стимула для индивида, то со слабыми связями ситуация существенно менее ясна. Особенно в тех случаях, когда уровень «затрат» и рисков участия ощутимо высок.

Существующие эмпирические результаты, на первый взгляд, свидетельствуют против гипотезы слактивизма, по крайней мере в части политического участия. Так, последние метааналитические исследования указывают на наличие положительной корреляции между онлайн- и офлайн-активностью, более сильной для молодежи [Boulianne, Theocharis, 2020], в целом же умеренной [Chae, Lee, Kim, 2018]. Однако наличие такого рода корреляций, во-первых, немногое говорит о причинных механизмах этого явления. Например, вполне разумно предположить, что более энергичные и политически вовлеченные люди активны и в интернете, и вне его; тогда названные корреляции являются лишь производной личных особенностей обследуемых. Во-вторых, они не отвечают на поставленный выше принципиальный вопрос: связи какого типа создают (если создают) необходимый уровень социальной мотивации? Сети сильных связей в современном мире плотно встроены и в онлайн-коммуникации; индивид может находиться под преимущественным влиянием традиционных структур общения, поддерживая его с помощью онлайн-платформ (проще говоря, общаясь с родственниками и друзьями в интернете). Эмпирических же работ, прямо сосредоточенных на механизмах действия связей разного типа в рамках различных онлайн- и офлайн-сред, на сегодняшний день крайне мало (один из хороших примеров — [Valenzuela et al., 2018]). В-третьих, практически не принимается в расчет фундаментальный фактор рискованности политического участия.

Дискуссии о цифровом гражданстве

Количество vs качество

Дискуссионную линию «активизм/слактивизм» продолжает концептуализация в современной политической науке цифрового гражданства. Наполнение данной категории разными авторами зависит, как правило, от критерия/критериев, на основании которых осуществляется идентификация «цифровых граждан».

Первая проблема заключается в том, что количественные критерии, применяемые в ряде исследований (например, в работах Дж. Коэна и Э. Шмитда [Коэн, Шмидт, 2013]), серьезно упрощают понимание цифрового гражданства и построе-

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

ны на противопоставлении «цифровых» и «нецифровых» граждан. Вместе с тем, очевидно, сам по себе статус интернет-пользователя напрямую не связан с гражданской активностью, не гарантирует вовлеченность пользователей в цифровые гражданские инфраструктуры, не обеспечивает реализацию ими гражданских практик в реальной среде. Об этом свидетельствуют результаты эмпирических исследований, посвященных развитию глобального интернета и национальных интернет-аудиторий [Blank, Groselj, 2014].

Другая крайность заложена в самой трактовке цифрового гражданства, введенной в научный оборот основоположницей данной концепции К. Моссбергер и ее последователями [Mossberger, Tolbert, McNeal, 2007; Jones, Mitchell, 2016; Mattson, 2017]. Цифровое гражданство, понимаемое как способность индивидов участвовать в жизни общества, реализовывать свои гражданские обязанности в ходе сетевой коммуникации — это продукт целенаправленной социализации, специализированного обучения на различных уровнях образования. Таким образом, за рамками цифрового гражданства оказываются все те, кто такое обучение не прошел и не обладает эталонными компетенциями ведения бизнеса, продвижения социального проекта, самообразования или реализации демократических прав в онлайн-пространстве. Представленная трактовка не только в существенной мере идеалистична, но и западноцентрична, то есть работает исключительно в тех национальных интернет-аудитории, в которых весомое место занимает кластер «прагматиков» [Nechaev, Brodovskaya, Dombrovskaya, 2015].

Традиционное vs цифровое

Второй аспект рассматриваемой дискуссионной линии связан с противопоставлением традиционного и цифрового гражданского активизма, пришедшего на смену представлений о том, что гражданская активность в цифровой среде преимущественно репрезентирует социально-политические процессы. Отчетливо дифференциация традиционного и цифрового гражданского активизма реализована в нескольких работах [Bennett, Segerberg, 2012; Vaast et al., 2017]. В данном случае на первый план выходят такие критерии идентификации цифрового гражданства, как опосредованность гражданского активизма цифровыми коммуникациями и отсутствие ценностной гомогенности, присущее традиционной активности коллективных акторов.

Следовательно, цифровой активизм существенно более вариативен, а у цифрового гражданства нет и не может быть одного «золотого стандарта». Исходя из этого становятся понятными трудности, с которыми сталкиваются исследователи при попытке объяснения наличия/отсутствия конверсии цифрового активизма в реальные практики. В ситуации наличия конфликта между ценностями «лидеров», «активистов», «слактивистов», «зрителей» массовая конверсия фактически невозможна. При этом меньшее, чем в традиционном формате, количество цифровых активистов может оказать влияние на социально-политические процессы посредством эффективного применения цифровых технологий [Tilly, 2006]. В то же время шансы на интеграцию и конверсию выше у цифровых граждан, реализующих онлайн бизнес, социальные проекты и т. п. в условиях, при которых политические акторы стремятся к партнерству с неполитическими, о чем мы скажем ниже.

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Онлайн vs офлайн

Гражданские действия могут существенно различаться по степени и формам вовлеченности в них. Выделяют так называемую мягкую активность (например, выражение своего мнения или убеждение других) и жесткую активность, предполагающую интенсивные действия. Помимо различных наборов навыков, которые требуются для онлайн- и офлайн-действий, они также нуждаются в различных ресурсах. Д. Джордж и Д. Лейднер сконструировали иерархию цифрового активизма, исходя из принципа приложения усилий и обладания ресурсами. Первая группа «действия цифровых зрителей» включает кликтивизм. Вторая группа «цифровые переходные действия» состоит из электронного финансирования, потребления интернет-контента по политическим мотивам. Третья группа «цифровые гладиаторские действия» объединяет активацию информационных данных, разоблачения и хактивизм [George, Leidner, 2019]. При этом асимметрия навыков и ресурсов позволила ряду исследователей выразить предположение о том, что виртуальная активность может негативным образом повлиять на действия в реальной жизни, создавая у пользователей ложное чувство изменения [Sormanen, Dutton, 2015].

Другие работы показывают, что цифровые коммуникации усиливают свое политическое значение, способствуя развитию гражданских ценностей и практик [Conroy, Feezell, Guerrero, 2012]. В частности, исследования потребления медиа в политической сфере демонстрируют, что тип деятельности и уровень вовлеченности — более важные факторы, определяющие активность, чем реальная или виртуальная ситуация. Гражданское участие в онлайн- и офлайн-режимах оценивалось по параллельным версиям шкалы активности: респондентов просили отметить все действия, в которых они когда-либо принимали участие. Зафиксировано, что «мягкий» активизм проявляется гораздо чаще, чем «жесткий». Так, выражение мнения происходило чаще, чем волонтерство или участие в митингах и акциях протеста. Корреляции между различными уровнями активности онлайн- и офлайн-действий оказались высокими, особенно для одного и того же вида деятельности в двух ситуациях (например, выражение своего мнения в автономном режиме или в сети; убеждение других голосовать в автономном режиме или в сети; подписание петиции в автономном режиме или в интернете) [Milosevic-Dordevic, Zezelj, 2017]. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что онлайн- и офлайн-активизм тесно взаимосвязаны, офлайн-активизм не ограничивает онлайн-активность, и наоборот. Со временем сформируется интегрированный, так называемый гибридный активизм, состоящий из различных форм офлайн- и онлайн-действий.

Дискуссия о политических партиях

Ренессанс vs кризис

Новые технологии коммуникации и их влияние на политические партии воспринимаются в научном сообществе крайне неоднозначно. Одни видят в них угрозу политическим партиям и демократическим процессам из-за снижения активности граждан [Putnam, 1995; Putnam, 2001]. Другие усматривают содействие, расширение возможностей взаимодействия в цифровом пространстве. Р. Далтон, рассматривая изменения современной гражданской политики в странах с развитой индустриальной демократией в аспекте формирования общественного

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

мнения и развития политических партий, отмечает, что сейчас как никогда люди оказывают влияние на политический процесс. То, что граждане думают о своем правительстве и его лидерах, как они голосуют на выборах, что они делают или говорят на политические темы, сильно влияет на дальнейшее укрепление или разрушение демократии и демократических идеалов [Dalton, 2008].

По мнению ряда зарубежных исследователей, интернет и социальные медиа изначально могли быть поняты как еще один инструмент, который политики могли бы использовать, чтобы обойтись без политических партий. Между тем цифровые коммуникации усиливают «глокализацию» общественной и политической сферы, процесс, уже начатый с появлением телевидения. Поэтому политические партии снова становятся незаменимыми. Они находятся в беспрецедентном положении для воссоздания социальных и политических связей, поскольку только они стоят как в центре, так и на периферии новой сферы, охватывающей общественную и политическую жизнь [Lachapelle, Maarek, 2015].

Как средство массовой коммуникации интернет представляется идеальным инструментом для эффективного и динамичного общения политических партий движений. Но может ли интернет заменить традиционные платформы политических партий? И может ли это действительно улучшить процесс принятия политических решений? Интернет и социальные сети изменили форму, объем и частоту политической коммуникации, но нет никаких доказательств того, что качество или содержание коммуникации изменились в той же степени. Аналогичным образом, нет никаких доказательств того, что, несмотря на значительное увеличение доступности информации, качество принятия политических решений значительно улучшилось [Huhtanen, 2015].

Ряд исследователей рассматривают, как предпочтения и ценности политических партий соотносятся с политическим использованием социальных сетей, выделяя идеологические мотивы, цифровые различия и политическую поляризацию. Социальные сети предоставляют новые платформы для политического участия и идеологической категоризации. Сторонники партий активно используют социальные сети для политического участия. Демографические характеристики партий частично объясняют различия в использовании социальных сетей. Между партиями существуют заметные различия при анализе использования их сторонниками социальных сетей в политических целях. Результаты эмпирических исследований подтвердили идею о том, что новые политические движения, состоящие из более молодых и образованных сторонников, добились успеха благодаря использованию социальных сетей. Кроме этого, установлено, что идеологический разрыв между сторонниками партии больше в социальных сетях, особенно когда исследуются новые виды политики, основанные на культурных вопросах, проблемах идентичности и постматериалистических ценностях [Koiranen et al., 2020].

Авторы, анализирующие влияние социальных медиа на развитие институтов партийных систем и политических партий, отмечают, что благодаря технологиям цифровых коммуникаций партийные акторы лучше адаптируются к условиям постматериалистической политической культуры. Так, А. Чедвик выдвигает гипотезу, согласно которой партии обновляются под влиянием цифровой среды, поскольку

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

вовлекаемые в интернет-коммуникацию граждане трансформируют формат традиционной партийной организации, отвергая нормы иерархической дисциплины и привычную партийную лояльность [Chadwick, Stromer-Galley, 2016].

Идею о том, что цифровизация способствует становлению новой партийной модели, поддерживает П. Гербаудо, благодаря которому дальнейшее развитие получила концепция платформизации. Суть обозначенной концепции заключается в том, что в цифровую эпоху политические партии повторяют организационные принципы цифровых социальных сетей для масштабирования электоральной поддержки [Gerbaudo, 2019].

В свою очередь, Н. Браунинг, К. Д. Свитсер акцентируют внимание на том, как информационная повестка, фреймы и бренды в социальных медиа влияют на электоральный потенциал политических партий. Исследователи подчеркивают необходимость управления информационным потоком и партийным интернет-контентом для эффективного использования цифровых коммуникаций с таргетными группами. По их мнению, дисфункции в этой сфере создают риски перетока электоральных голосов и снижения устойчивости электоральной базы политических партий [Browning, Sweetser, 2020].

Представляя номер: линии дискуссий в материалах выпуска

Наиболее полно и объемно в нашем выпуске оказалась представлена проблематика конверсии онлайн-участия — как гражданского, так и политического — в «физические» формы активности. Фактически здесь сплетаются четыре ключевых линии дискуссий: социальные медиа *vs* формальные организации, гражданское участие онлайн *vs* офлайн, активизм *vs* слактивизм, традиционные vs цифровые формы гражданского активизма.

Так, А. Климова и К. Чмель на материале протестов против строительства мусорного полигона на станции Шиес (2018—2019) показывают, что активность в социальных медиа приводит к усилению реального политического участия. Построив регрессионные модели как на данных микроуровня, полученных по результатам социологического опроса, так и на данных макроуровня, обобщающих активность экологических сообществ в сети «ВКонтакте», авторы демонстрируют увеличение вероятности участия в офлайн-протестах с ростом включенности в онлайн-обсуждения. Влияние фиксируется и на индивидуальном, и на групповом уровне; также значимым оказывается и эффект их взаимодействия. Авторы полагают, что такой результат является прямым аргументом против позиции сторонников «слактивистской» концепции.

Скорее на стороне «онлайн-скептиков» выступают С. Расторгуев и Ю. Тян, исследующие протестный эко-активизм в Красноярском крае. Авторы, в частности, сопоставляют динамику активности экологических онлайн-сообществ и численность уличных акций протеста, посвященных экологической ситуации в регионе. Анализ не показал прямой связи между высокой онлайн-вовлеченностью и большим количеством митингующих. Уличные протесты в крае оказываются скорее связаны с ценностными нормами и текущим ситуативным контекстом, нежели с онлайн-мобилизацией (при всей важности последней в плане координации и распространения информации).

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Анализ визуального дискурса в социальной сети TikTok вокруг протестов в Хабаровском крае, предпринятый А. Порецковой и Н. Савиным, также указывает на отсутствие сильной связи между потреблением такого политического контента и прямым участием в протестных акциях. Мемы, распространяемые в TikTok, скорее способствуют критическому восприятию реальности, нежели содействуют прямому сопротивлению (что связано, в частности, со слабостью функции артикуляции политических требований). В то же время авторы отмечают как минимум один «качественный» эффект онлайн-коммуникации — формирование общей идентичности, в данном случае имеющей сильную региональную составляющую.

В ряде работ, представленных в тематическом выпуске, исследователи не дифференцируют гражданский и политический активизм, указывая на стирание границ между ними. Так, С. В. Володенков и С. Н. Федорченко выделили ключевые компоненты цифровой инфраструктуры гражданско-политического активизма: цифровые платформы с возможностями интерфейса для гражданских технологий (civic technology); поддерживающее эти цифровые платформы базовое или вспомогательное программное обеспечение, алгоритмы; практики цифрового гражданства (digital citizen); владельцы цифровых платформ (мобильные операторы, администрация сайтов, социальных сетей и т. п.). Основной риск такой архитектуры цифровой инфраструктуры активизма авторы видят в том, что выгодополучателем цифровых трансформаций, наращивающим свою политическую субъектность и потенциал влияния, выступают именно цифровые платформы.

Особую остроту проблема конверсии онлайн-активизма в форму уличных протестов приобретает в условиях репрессивной реакции со стороны властей, которая значительно повышает издержки «физического» протеста. Влияние репрессий против организаций гражданского общества на масштаб протестных выступлений находится в центре внимания статьи В. Беленкова. В качестве переменных-медиаторов этого процесса автор рассматривает степень распространения интернета и уровень его цензурируемости. Показано, что интенсивность репрессий, интернет-охват и цензуру необходимо рассматривать в комплексе, в противном случае адекватно оценить их влияние на численность протестующих невозможно. Например, применение слабых репрессий в условиях нецензурируемого интернета скорее приведет к увеличению массовости протестов, тогда как наличие цензуры устраняет этот эффект.

Смешанные аргументы представлены в статье Р. Пармы, основанной на результатах анализа всероссийского онлайн-опроса. С одной стороны, значимая корреляция между предпочтениями форм общественной онлайн- и офлайн-активности свидетельствует в пользу наличия прямой связи между практиками действий россиян в цифровой и реальной средах. Также имеется явное сопряжение между опытом участия граждан в публичных мероприятиях и интенсивностью использования ими цифровых платформ и каналов связи. С другой стороны, частота мотивирующих и мобилизующих онлайн-сообщений не является непосредственным предиктором «физической» общественной активности. Доминирующую роль в общей картине играет пассивная установка большинства граждан, не допускающих для себя перехода от использования цифровых коммуникаций к активным гражданским практикам.

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Опираясь на данные контент-анализа первичных документов и дискурса в социальных медиа, а также на результаты анкетирования и глубинных интервью представителей сообщества Сегедского Университета (Венгрия), Э. Сирмаи — автор исследования студенческого и преподавательского активизма в онлайн- и офлайн-пространствах приходит к выводу о «первичности» традиционных форм само(организации). Адаптация инструментов традиционного активизма к онлайн-платформам не порождает существенных качественных инноваций, приводя лишь к «количественным» изменениям, связанным со скоростью передачи информации. Онлайн-коммуникации, полагает автор, скорее «играют роль в видимой мобилизации „революционеров в кресле“, а не в политике участия».

Факторы протестного мобилизационного потенциала цифровых коммуникаций на материале наиболее влиятельных общественно-политически ориентированных сообществ сети «ВКонтакте» исследует А. Домбровская. В контексте нашего обсуждения одним из наиболее интересных результатов ее исследования является зависимость мобилизационного потенциала от сетевых, структурных характеристик сообщества: плотности внутренних связей, наличия ограниченного числа «топикстартеров» (вершин высоких степеней) и т. п. Особая мобилизующая роль другого типа «ядер» протестных сообществ — осуществляющих репосты сообщений и тем самым активизирующих внутренние потоки информации — показана и в уже названной работе А. Климовой и К. Чмеля.

В то же время «тонкие» эффекты коммуникации в социальных медиа, связанные с их сетевыми свойствами, пока что поддаются прямой эмпирической регистрации лишь в весьма ограниченном масштабе. Здесь особую роль в построении теории и формулировании гипотез для последующей эмпирической проверки начинают играть инструменты численного (computational) моделирования. Особое место среди них занимают агентно-ориентированные (agent-based) подходы, позволяющие явным образом включать в модели сетевые структуры и экспериментировать с их эффектами — эхо-камерами, гомофилией и др. Именно в таком ключе построено исследование А. Петрова, А. Ахременко, С. Жеглова и Е. Кручинской. В их модели в фокусе внимания находится воздействие репрессий разной интенсивности на участие граждан в уличных протестах, опосредованное различными архитектурами (топологиями) сетевых связей и варьирующимся уровнем гомофилии — склонности граждан взаимодействовать с похожими на них по «протестной установке». Авторы показывают, что с ростом гомофилии увеличивается «выживаемость» протестных акций — в присутствии любых репрессий на улицах находится ненулевое число граждан, но при этом падает их массовость.

Тематика влияния современных информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм неизбежно поднимает планку методической оснащенности исследователей. В статьях, вошедших в специальный выпуск, использован самый широкий спектр технически «продвинутых» методов. Наряду с названным выше численным моделированием, авторы активно используют тематическое моделирование, сложные версии логистических регрессий, сетевой анализ. Кроме того, методическим проблемам специально посвящена работа В. Даниловой, С. Поповой и В. Карповой. В ней предлагается новый подход к использованию тематического моделирования методом латентного размещения

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Дирихле (LDA) в изучении динамики общественного мнения в социальных медиа. Основной новацией является включение в анализ пользовательского уровня (с группировкой по типам активности) наряду с традиционным тематическим измерением. Авторы тестируют предлагаемый алгоритм на материале сообщений в российских социальных медиа («Twitter» и «LiveJournal»), публиковавшихся в критический период распространения инфекции COVID-19.

Для реализации мультиагентного моделирования гражданской активности российской молодежи авторами А. А. Азаровым, Е. В. Бродовской, А. Б. Шатиловым был разработан тестовый прототип программного комплекса (база данных Oracle; язык программирования Java EE; HTML, CSS, JS). На основе его применения были описаны сценарии взаимодействия агентов (лидеры общественного мнения, в том числе контекстно обусловленные, «вовлеченные», «кликтивисты», «выключенные») и условия их перехода из группы в группу. Существенным результатом данного исследования является определение зависимости протестной мобилизации и конверсии онлайн-активности в офлайн от близости ценностных профилей различных агентов, а также от модальности дискурсов информационного потока (дискурс «мирного» протеста по сути выполняет роль триггера, прежде всего для контекстно обусловленных лидеров общественного мнения и «вовлеченных»).

Одним из примеров применения математического аппарата для вторичного анализа данных является статья В. Бабаян и А. Туробова, в которой с помощью моделирования структурными уравнениями (Structural Equation Modeling — SEM) оценивается готовность россиян к практикам электронного голосования. Исследователи обращают внимание на важный момент: размер национальной интернет-аудитории и вовлеченность в интернет-коммуникацию — это недостаточные условия для формирования позитивной установки на участие в электронном голосовании. Согласно данным исследования, россияне не верят в защищенность электронного голосования, а также обеспокоены сохранением конфиденциальности электорального выбора.

***

Во вступительной статье приглашенных редакторов настоящего тематического выпуска мы рассмотрели некоторые из дискуссионных линий в развитии исследований влияния ИКТ на трансформацию гражданского и политического активизма, в том числе в их «проекции» на содержание статей номера. При этом намеренно не устанавливали жесткие границы между гражданским и политическим, среди прочего в силу того, что цифровая эпоха в существенной мере способствует их размыванию. Многие исследования убедительно продемонстрировали, что природа активизма, равно как и общественно-политические условия постмодерна, делает возможным только ситуативное определение политического или гражданского характера действия. Благодаря взаимопроникновению этих форм активности мы наблюдаем различные примеры конверсии гражданского активизма в политический и наоборот (наиболее показательные примеры в данном случае связаны с экологическим активизмом).

Тот факт, что многие публикации номера не только следуют обозначенным «линиям напряжения», но и представляют аргументы в пользу разных позиций,

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

ни в коем случае не должен обескураживать. Скорее, это свидетельство против логики жесткого противопоставления позиций в формате «или/или»: «или активизм / или кликтивизм»; «или интеграция / или поляризация» и т. д. Однако чаще всего разнообразные эффекты ИКТ в отношении гражданского активизма и политического участия проявляют себя в комплексе. И сложность решения исследовательских задач в этой сфере заключается в поиске подходов, методов, инструментов, позволяющих увидеть, понять и объяснить это многообразие. Исходя из этого, научная дискуссия вокруг влияния ИКТ на трансформацию гражданского/политического активизма и участия будет вынуждена переходить от уровня анализа «или/или» к уровню «и/и», то есть эволюционировать от противопоставления модальностей/эффектов и т. д. к пониманию их многообразия и связанных с ним контекстов. Преодоление «универсализма» в оценке влияния ИКТ на трансформацию гражданского/политического участия и большее внимание ученых к таким исследовательским фреймам, как особенности национальных интернет-аудиторий, социокультурный контекст, персонологические характеристики, — наиболее многообещающий ракурс рассмотрения этой сложнейшей проблемы.

Список литературы (References)

Ахременко А., Петров А., Жеглов С. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу. *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 12—45. https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01.

Akhremenko A. S., Petrov A. P., Zheglov S. A. (2021) How Information and Communication Technologies Change Trends in Modelling Political Processes: Towards an Agent-Based Approach. *Political Science (RU)*. No. 1. P. 12—45. https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01. (In Russ.)

Коэн Д., Шмидт Э. (2013) Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Cohen J., Schmidt E. (2013) The New Digital Age. Reshaping the Future of People, Nations and Business. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.)

Anderson A. (2020) “Networked” Revolutions?” ICTs and Protest Mobilization in Non-Democratic Regimes. *Political Research Quarterly*. P. 1—15. https://doi.org/10.1177/1065912920958071.

Barabási A. L., Albert R. (1999) Emergence of Scaling in Random Networks. *Science*. Vol. 286 (5439). P. 509—512. https://doi.org/10.1126/science.286.5439.509.

Beissinger M. (2017) “Conventional” and “Virtual” Civil Societies in Autocratic Regimes. *Comparative Politics*. Vol. 49. No. 3. P. 351—371. https://doi.org/10.5129/001041517820934267.

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661.

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Bennett W. L., Segerberg A., Walker Sh. (2014) Organization in the Crowd: Peer Production in Large-Scale Networked Protests. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 2. P. 232—260. https://doi.org/10.1080/1369118x.2013.870379.

Blank G., Groselj D. (2014) Dimensions of Internet use: Amount, Variety, and Types. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 4. P. 417—435. https://doi.org/10.1080/1369118x.2014.889189.

Bode L. (2016) Pruning the News Feed: Unfriending and Unfollowing Political Content on Social Media. *Research & Politics*. Vol. 3. No. 3. https://doi.org/10.1177/2053168016661873.

Bodrunova S. S., Blekanov I., Smoliarova A., Litvinenko A. (2019) Beyond Left and Right: Real-World Political Polarization in Twitter Discussions on Inter-Ethnic Conflicts. *Media and Communication*. Vol. 7. No. 3. P. 119—132. https://doi.org/10.17645/mac.v7i3.1934.

Boulianne S., Theocharis Y. (2020) Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*. Vol. 38. No. 2. P. 111—127. https://doi.org/10.1177/0894439318814190.

Boutyline A., Willer R. (2017) The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. *Political Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 551—569. https://doi.org/10.1111/pops.12337.

Breuer A., Groshek J. (2014) Online Media and Offline Empowerment in Post-Rebellion Tunisia: An Analysis of Internet Use during Democratic Transition. *Political Communication*. Vol. 11. No. 1. P. 25—44. https://doi.org/10.1080/19331681.2013.850464.

Browning N., Sweetser K. D. (2020) How Media Diet, Partisan Frames, Candidate Traits, and Political Organization-Public Relationship Communication Drive Party Reputation. *Public Relations Review*. Vol. 46. No. 2. https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2020.101884.

Brünker F., Wischnewski M., Mirbabaie M., Meinert J. (2020) The Role of Social Media during Social Movements — Observations From the #metoo Debate on Twitter. *Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS)*. https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/handle/10125/64030 (accessed 27.07.2021).

Bruns A. (2019) Filter Bubble. *Internet Policy Review*. Vol. 8. No. 4. https://doi.org/10.14763/2019.4.1426.

Cabrera N. L., Matias C. E., Montoya R. (2017) Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*. Vol. 10. No. 4. P. 400—415. https://doi.org/10.1037/dhe0000061.

Castells M. (2015) Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. John Wiley & Sons.

Chadwick A., Stromer-Galley J. (2016) Digital Media, Power, and Democracy in Parties and Election Campaigns. *International Journal of Press/Politics*. Vol. 21. No. 3. P. 283—293. https://doi.org/10.1177/1940161216646731.

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Chae Y., Lee S., Kim Y. (2018) Meta-Analysis of the Relationship between Internet Use and Political Participation: Examining Main and Moderating Effects. *Asian Journal of Communication*. Vol. 29. No. 1. P. 35—54. https://doi.org/10.1080/01292986.2018.1499121.

Clarke K., Kocak K. (2020) Launching Revolution: Social Media and the Egyptian Uprising's First Movers. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. P. 1024—45. https://doi.org/10.1017/S0007123418000194.

Conroy M., Feezell J. T., Guerrero M. (2012) Facebook and Political Engagement: A Study of Online Political Group Membership and Offline Political Engagement. *Computers in Human Behavior*. Vol. 28. No. 5. P. 1535—1546.

Dalton R. J. (2008) Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies. Irvine, CA: University of California.

Davenport T. H., Beck J. C. (2001) The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business. Harvard Business School Press.

Diamond L., Plattner M. F. (2012) Liberation Technology: Social Media and the Struggle for Democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Dincelli E., Hong Y., DePaula N. (2016) Information Diffusion and Opinion Change During the Gezi Park Protests: Homophily or Social Influence? *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 53. https://doi.org/10.1002/pra2.2016.14505301109.

Falkinger J. (2007) Attention Economies. *Journal of Economic Theory*. Vol. 133. No. 1. P. 266—294.

Garcia D., Abisheva A., Schweighofer S., Serdült U., Schweitzer F. (2015) Ideological and Temporal Components of Network Polarization in Online Political Participatory Media. *Policy & Internet*. Vol. 7. No. 1. P. 46—79. https://doi.org/10.1002/poi3.82.

Gerbaudo P. (2019) The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy. London: Pluto Press.

Gladwell M. (2010) Small Change: Why the Revolution will not be Tweeted. *The New Yorker*. October 4. https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell (accessed 26.07.2021).

George J. J., Leidner D. E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001.

Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. Vol. 78. No. 6. P. 1360—1380. https://doi.org/10.1086/225469.

Gruzd A., Roy J. (2014) Investigating Political Polarization on Twitter: A Canadian Perspective. *Policy & Internet*. Vol. 6. No. 1. P. 28—45. https://doi.org/10.1002/1944-2866.POI354.

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Hassanpour N. (2014) Media Disruption and Revolutionary Unrest: Evidence From Mubarak's Quasi-Experiment. *Political Communication.* Vol. 31. No. 1. P. 1—24. https://doi.org/10.1080/10584609.2012.737439.

Howard M., Gilbert L. (2008) A Cross-National Comparison of the Internal Effects of Participation in Voluntary Organizations. *Political Studies.* Vol. 56. No. 1. P. 12—32. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00715.x.

Huhtanen T. (2015) Can Political Parties Evolve if the Political System Does Not? *European View.* No. 14. P. 59—67. https://doi.org/10.1007/s12290-015-0344-8.

Iversen T., Soskice D. (2015) Information, Inequality, and Mass Polarization: Ideology in Advanced Democracies. *Comparative Political Studies*. Vol. 48. No. 13. P. 1781—1813.

Johnson B., Neo R., Heijnen M., Smits L., van Veen C. (2020) Issues, Involvement, and Influence: Effects of Selective Exposure and Sharing on Polarization and Participation. *Computers in Human Behavior*. Vol. 104. https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.031.

Jones L. M., Mitchell K. J. (2016) Defining and Measuring Youth Digital Citizenship. *New Media & Society.* 2016. No. 18. P. 2063—2079. https://doi.org/10.1177/1461444815577797.

Kahne J., Bowyer B. (2018) The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication.* Vol. 35. No. 33. P. 470—493. https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662.

Koiranen I., Koivula A., Saarinen A., Keipi T. (2020) Ideological Motives, Digital Divides, and Political Polarization: How Do Political Party Preference and Values Correspond With the Political Use of Social Media? *Telematics and Informatics*. Vol. 46. https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101322.

Lachapelle G., Maarek P. (2015) Political Parties in the Digital Age. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. https://doi.org/10.1515/9783110413816.

Larson J. (2021) Networks of Conflict and Cooperation. *Annual Review of Political Science*. Vol. 24. No. 1. P. 89—107. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-102523.

Lotan G. E., Graeff M., Gaffney D., Pearce I., Boyd D. (2011) The Arab Spring| The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions. *International Journal of Communication* Vol. 5. No. 31. P. 1375—1405.

Mattson K. (2017) Digital Citizenship in Action: Empowering Students to Engage in Online Communities. New York, NY: International Society for Technology in Education.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 415—444. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415.

Milgram S. (1967) The Small World Problem. *Psychology Today*. Vol. 1. P. 61—67.

Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I. L. (2017) Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life? *Computers in Human Behavior.* Vol. 70. P. 113—118. https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.070.

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Morozov E. (2012) The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York, NY: Public Affairs.

Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R.S. (2007) Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Nechaev V. D., Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y. (2015) Perception of Political Subjectivity on the Internet: Results of the Cross-National Cluster Analysis in the USA, United Kingdom, Mexico, Sweden, Russia, China, the Republic of South Africa. *Asian Social Science*. Vol. 11. No. 7. P. 269—277. https://doi.org/10.5539/ass.v11n7p269.

Papacharissi Z. (2002) The Virtual Sphere: The Internet as a Public Sphere. *New Media and Society*. Vol. 4. No. 1. P. 9—27. https://doi.org/10.1177/14614440222226244.

Putnam R. (1995) Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics.* Vol. 28. No. 4. P. 664—683.

Putnam R. (2001) Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster.

Settle J. (2018) Frenemies: How Social Media Polarizes America. Cambridge: Cambridge University Press.

Sirbu A., Pedreschi D., Giannotti F., Kertesz J. (2019) Algorithmic Bias Amplifies Opinion Fragmentation and Polarization: A Bounded Confidence Model. *PLoS ONE.* Vol. 14. No. 3. e0213246. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213246.

Sormanen N., Dutton W. H. (2015) The Role of Social Media in Societal Change: Cases in Finland of Fifth Estate Activity on Facebook. *Social Media + Society.* Vol. 1. No. 2. https://doi.org/10.1177/2056305115612782.

Stürmer S., Simon B. (2004) The Role of Collective Identification in Social Movement Participation: A Panel Study in the Context of the German Gay Movement. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 30. No. 3. P. 263—277. https://doi.org/10.1177/0146167203256690.

Tilly C. (2006) WUNC. Crowds. Stanford, Ca: Stanford University Press.

Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. (2017) Social Media Affordances for Connective Action — An Examination of Microblogging Use During the Gulf of Mexico Oil Spill. *MIS Quarterly*. Vol. 41. No. 4. P. 1179—1205. https://doi.org/10.25300/MISQ/2017/41.4.08.

Valenzuela S., Correa T., Gil de Zuniga H. (2018) Ties, Likes, and Tweets: Using Strong and Weak Ties to Explain Differences in Protest Participation across Facebook and Twitter Use. *Political Communication*. Vol. 35. No. 1. P. 117—134. https://doi.org/10.1080/10584609.2017.1334726.

Van Stekelenburg J., Klandermans P. (2017) Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. In: Klandermans P., Roggeband C. (eds.) *The Handbook of Social Movements Across Disciplines*. Cham: Springer. P. 157—204.

DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Walgrave S., Bennett L. W., van Laer J., Breunig C. (2011) Multiple Engagements and Network Bridging in Contentious Politics: Digital Media Use of Protest Participants. *Mobilization*: *An International Quarterly*. Vol. 16. No. 3. P. 325—349. https://doi.org/10.17813/maiq.16.3.b0780274322458wk.

Watts D. J., Strogatz S. H. (1998) Collective Dynamics of Small-World Networks. *Nature*. Vol. 393. No. 6684. P. 440—442. https://doi.org/10.1038/30918.

Zhang Y., Lee F. (2018) Examining the Connectedness of Connective action: the Participant-initiated Facebook Pages in Hong Kong's Umbrella Movement. *International Journal of Communication*. Vol. 12. P. 1591—1611.